

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ш97

Серия «Жатва смерти»

Neal Shusterman, Jarrod Shusterman

DRY

Перевод с английского *В. Миловидова*

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Simon & Schuster Books For Young Readers,
an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division
All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or
transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical,
including photocopying, recording or by any information storage
and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Шустерман, Нил.

Ш97 Жажда : [роман] / Нил Шустерман, Джеррод Шустерман ; [перевод с английского В. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Жатва смерти).

ISBN 978-5-17-114314-5

Калифорния охвачена засухой.

Теперь каждый гражданин обязан строго соблюдать определенные правила: отказаться от полива газона, от наполнения бассейна, ограничить время принятия душа.

День за днем, снова и снова.

До тех пор, в кранах не останется ни капли влаги.

И тихая улочка в пригороде, где Алисса живет со своими родителями и младшим братом, превращается в зону отчаяния. Соседи, прежде едва кивавшие друг другу, вынуждены как-то договариваться перед лицом общей беды.

Родители Алиссы, отправившиеся на поиски воды, не вернулись домой, и девушка-подросток вынуждена взять ответственность за свою жизнь и жизнь малолетнего брата в свои руки.

Либо они найдут воду, либо погибнут.

И помощи ждать неоткуда...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Neal Shusterman and Jarrod Shusterman, 2018

© Перевод. В. Миловидов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть 1

Исчерпание ресурсов

День первый

СУББОТА, 4 ИЮНЯ

1) Алисса

Кран на кухне выдает звуки жуткие, поистине фантастические! Кашляет и хрипит, как будто у него астма, булькает, словно утопленник, после чего выплевывает пару капель воды и затихает. Наш пес Кингстон, нервно поводя ушами, на всякий случай отходит от него подальше, ожидая, когда тот вернется к жизни. Но — увы! — ожидания его напрасны.

Мать в недоумении стоит у раковины, держа принадлежащую Кингстону миску под умершим водопроводом. Заворачивает кран и зовет:

— Алисса! Сходи-ка за отцом.

С тех пор как отец сам, без посторонней помощи, полностью переоборудовал нашу кухню, он считает себя водопроводчиком высшей квалификации. А заодно и электриком.

— На кой черт платить бешеные деньги пришлым мастерам, если все можешь сделать сам? — как-то решил он и взялся за дело.

С тех пор дня не проходит, чтобы у нас не ломался водопровод и не отключалось электричество.

Сейчас отец в гараже — чинит машину на пару с дядей Базиликом, который живет у нас с тех пор, как прогорела его ферма в Молесто, где он пытался выращивать миндаль. Вообще-то, настоящее имя нашего дяди — Герберт, но в юности к нему привязалась кличка «Гербарий», и когда мы с братом подросли, то принялись звать его по названиям разных растений, что росли у нас в огороде. То он у нас дядя Укроп, то дядя Чабрец, то дядя Лук. Наши родители никогда не забудут то время, когда мы величали его дядей Каннабисом. В конце концов, мы остановились на Базилике — это имя подходило дяде лучше всего.

— Пап! — кричу я в темные недра гаража. — На кухне беда.

Ноги моего отца торчат из-под нашей «Камри», словно ноги Злой Ведьмы Востока из страны Оз, когда ту раздавил домик девочки Дороти. Дядя Базилик окутан клубами дыма, исторгаемого им из электронной сигареты.

— Подождать нельзя? — спрашивает отец из-под машины.

Но мне уже понятно, что любая задержка фатальна.

— Мне кажется, там полный трындец, — говорю я.

Отец с тяжелым вздохом выползает из-под машины и направляется в сторону кухни.

Матери на кухне нет. Она стоит в коридоре, ведущем в гостиную. Просто стоит, держа в левой руке пустую собачью миску для воды, но у меня по спине пробегают холода. Даже не знаю почему.

— И что ж такое случилось, что нужно было тащить меня... — начинает отец.

— Заткнись! — обрывает его мать.

Мать редко бывает с ним груба. Она может быть резкой со мной или с Гарреттом, но между собой родители вообще не ругаются. Это неписанный закон нашей семьи.

Она уставилась в ящик, где ведущий новостей лопочет что-то про «кризис водоснабжения». Так теперь в газетах и на телевидении называют засуху с тех пор, когда людям осточертело само это слово «засуха». Точно таким же образом «глобальное потепление» превратилось в «изменения климата», а «война» — в «конфликт».

Правда, теперь в ходу новое выражение, характеризующее очередной этап постигшей нас беды. В ящике и газетах это называется «исчерпание ресурсов».

Дядя Базилик появляется из-за своего облака дыма, чтобы спросить:

— Что происходит?

— Аризона и Невада вышли из соглашения по совместному использованию водных ресурсов, — отвечает мать. — Прикрыли заглушки на всех дамбах и говорят, вода им самим нужна.

Это означает, что река Колорадо уже никогда не дойдет до Калифорнии.

Дяде требуется время, чтобы осознать происходящее.

— Они вырубili целую реку, словно это водопроводный кран, — говорит он. — А у них есть такое право?

— Сделали же! — отзывается отец, нахмурил лоб.

На экране возникает картинка пресс-конференции: губернатор обращается к толпе словно бы пораженных нервным тиком журналистов.

— К сожалению, это случилось, хотя это и не было неожиданностью, — вещает губернатор. — В настоящий момент наши люди круглосуточно работают с рядом агентств над выработкой нового соглашения.

— Что он имеет в виду, черт возьми? — спрашивает дядя, но мы с мамой жестом останавливаем его. Губернатор же продолжает:

— В качестве мер предосторожности все наличные водные ресурсы в округах и муниципальных образованиях Южной Калифорнии направляются на удовлетво-

рение самых острых нужд. Прошу всех вас оставаться предельно спокойными. Готов уверить каждого из жителей штата, что это — *временные* трудности и никаких оснований для серьезного беспокойства нет.

Журналисты обрушивают на губернатора шквал вопросов, но он исчезает из поля зрения камер, не ответив ни на один.

— Похоже, в нашем штате не один Кингстон остался без воды, — говорит дядя Базилик. — Скоро нам всем придется пить из туалетного бачка.

Гарретт, мой младший брат, который сидит на диване и ждет, когда по ящику станут опять показывать что-нибудь стоящее, делает соответствующую физиономию, отчего дядя смеется.

— Ну что ж, — говорит отец с видимым облегчением, — по крайней мере, на сей раз виноват не я.

Я иду на кухню — может, у меня получится? Может, у меня легкая рука? Ни-че-го. Ни малейших признаков воды. Наш кран отдал богу душу, и никакое искусственное дыхание его не возродит. Отмечаю про себя время, как это делают в палатах интенсивной терапии, когда пациент откидывает коньки: час тридцать две пополудни, четвертое июня.

«Мы навек запомним день и час, когда в кранах кончилась вода, — думаю я. — Как и время, когда был убит президент».

За моей спиной Гарретт открывает холодильник и, достав бутылку ледяного «Каторейда», припадает к ней. Но я останавливаю его уже на третьем глотке.

— Положи назад, — говорю я, — оставь немного на потом.

— Но я хочу пить сейчас, — протестующе скулит Гарретт.

Ему десять лет — на шесть лет моложе меня. Десятилетки неспособны думать хотя бы на шаг вперед.

Но бутылка почти уже пуста, и я позволяю брату допить ее. Бегло осматриваю содержимое холодильни-

ка. Пара банок пива. Еще три бутылки «Каторейда» по четверти литра каждая, почти пустая бутылка молока да всякие объедки.

Иногда ты просто не представляешь, как хочется пить, пока не сделаешь первый глоток. Именно это я и поняла, когда заглянула в недра холодильника.

Теперь я знаю, что такое предчувствие беды.

С улицы раздаются голоса соседей. Мы с ними знакомы, хотя и редко пересекаемся. Единственный день, когда они все толпой вываливают на улицу, это День независимости. То же самое произойдет, если случится быть землетрясению.

На этот раз мы все — родители, я, Гарретт — выходим на улицу. Соседи стоят, обмениваясь странными взглядами, как будто ждут друг от друга указаний, как им себя вести, или же, по крайней мере, подтверждения того, что то, что происходит, происходит на самом деле.

Джанетт и Стью Лисон с той стороны улицы, чета Малескис со своим грудничком и мистер Бернсайд, которому, сколько бы я его ни помнила, всегда было ровно семьдесят лет. Как мы и ожидали, не появились только наши ближние соседи, вечные затворники Макрекены, которые наверняка, как только услышали новости, забаррикадировали свои двери изнутри.

Все мы стоим на улице, засунув руки глубоко в карманы, избегая встречаться взглядами, словно школьники на первом школьном балу.

— Ну, — наконец заговаривает мой папа, — признавайтесь, кто из вас нагадил Аризоне и Неваде?

Каждый из стоящих усмехается. Не потому что шутка такая уж смешная, а потому что она, по крайней мере, частично снимает напряжение.

Мистер Бернсайд окидывает всех взглядом.

— Разве я не говорил, что эти ублюдки захотят прибрать к рукам всю реку Колорадо? — произносит он.

Подумав мгновение, качает головой и продолжает:

— Мы позволили реке стать хозяйкой наших жизней. Теперь мы уязвимы как никто.

Он прав. Мало кто задумывался, откуда приходила к нам вода. Она просто текла к нам в дома — и все. Но когда Калифорнийская долина начала высыхать, а цены на производимую здесь продукцию взлетели до небес, люди поневоле начали обращать на это внимание. Достаточно для того, чтобы формулировать предложения и принимать законы. Большинство из этих законов были лишены смысла, но людям казалось, что они, по крайней мере, хоть что-то делают. Так было, например, с законом, запрещающим использовать воду для игр — швыряться водяными бомбочками стало опасно.

— А в Лас-Вегасе вода пока есть, — замечает кто-то.

Наш сосед Стью качает головой:

— Верно. Я звонил, пытался там забронировать номер — ничего не вышло. Миллион номеров, и все забиты.

Мистер Бернсайд, явно наслаждаясь неудачей, постигшей соседа, печально улыбается:

— Если быть точным, сто двадцать четыре тысячи. Похоже, всем людям одновременно пришла в голову эта идея.

— Представляете, что творилось на пятнадцатом федеральном шоссе? — невесело качает головой мать. — Не хотелось бы мне там оказаться.

Вставляю свои два цента и я:

— Если они придерживают оставшуюся воду для самых острых нужд, наверняка у них есть еще немного. Можно подать в суд, и они ее отдадут. Хотя бы в режиме веерных отключений. И все мы будем получать воду ежедневно, хотя бы понемногу.

Мое предположение производит на моих родителей сильное впечатление. Прочие смотрят на меня с нескрываемым восхищением, и мне это приятно. Родители убеждены, что когда-нибудь я стану юристом. Воз-

можно, так и будет — если к тому времени у нас что-то еще «будет».

Сейчас же моя идея вряд ли кому-нибудь поможет, какой бы замечательной она ни была. Власть имущие слишком уж заинтересованы в этом ресурсе, чтобы хоть часть выпустить из-под контроля. А может быть, и воды-то совсем уже не остается!

Пищит чей-то телефон, принимая сообщение. Джанетт смотрит на свой «андроид» и хмыкает:

— У моих родственников в Огайо — то же самое. Теперь мне еще и за них беспокоиться!

— Напишите им: «Пришлите воды», — ухмыляется мой отец.

— Мы справимся, — успокоительным тоном говорит моя мать. Она практикующий психолог, и успокаивать — ее работа. Если точнее — вторая натура.

Гарретт, до этого стоявший спокойно, подносит к губам свою бутылку «Каторейда», и все невольно замолкают, словно впадают в ступор. Соседи заворужено смотрят, как братишка заглатывает жидкость. Наконец тишину прерывает мистер Бернсайд.

— Ну что ж, — произносит он, — поговорим об этом в следующий раз.

Так он обычно заканчивает все разговоры, и это — сигнал, обрывающий наше минутное единение. Все прощаются и направляются к своим домам, бросив последний взгляд на пустую бутылку в руках Гарретта.

Позже, часов в пять, дядя Базилик провозглашает:

— Пора в «Костко». Кто со мной?

«Костко» — гипермаркет самообслуживания. Удобно и недорого.

— Можно мне «хот-дог»? — просит Гарретт. Он уверен: даже если ему с ходу откажут, свой «хот-дог» он все равно получит. Дядя для него не противник.

— «Хот-доги» — не главная наша проблема, — говорю я брату.

Он не спорит. Он знает, куда и зачем мы едем — не такой он дурачок. И, тем не менее, за свой «хот-дог» он спокоен.

Мы забираемся в полноприводный пикап дяди Базилика, слишком уж навороченную для человека его возраста тачку.

— Мама сказала, в гараже есть еще несколько бутылок воды, — говорит Гарретт.

— Нам нужно гораздо больше, чем «несколько», — говорю я, быстро производя в голове подсчеты. Я тоже видела эти бутылки. Девять штук по пол-литра. Нас пятеро. Воды не хватит и на день.

Выведя машину с нашей улицы на шоссе, дядя говорит:

— Округу понадобится не больше суток, чтобы наладить снабжение. Нам и нужно-то всего пару коробок.

— И «Каторейда», — говорит Гарретт. — Не забудьте про «Каторейд».

«Каторейд» полон электролитов. Именно эту фигну впаривают в рекламе. Хотя Гарретт понятия не имеет, что такое электролит.

— Посмотрите на это дело с другой стороны, — говорит дядя Базилик. — Пару дней вы не будете ходить в школу.

Калифорнийский вариант снежной бури.

До конца семестра в младших классах — всего несколько дней. Нам же, старшим, наверняка продлят учебный год, отчекрыжив от каникул.

На парковке «Костко» яблоку негде упасть. Похоже, сюда съехались все люди из нашей округи. Нам не остается ничего другого, как медленно кружить в поисках места для парковки. Наконец дядя достает свою карточку «Костко» и протягивает мне.

— Вы вдвоем идите внутрь. Я вас найду, когда припаркуюсь.

Интересно, а как он попадет внутрь без своей карточки? Но наш дядя Базилик вывернется из любого

затруднительного положения, а потому мы с Гарреттом выбираемся из машины и присоединяемся к потоку людей, вливаемому в ворота склада. Внутри — настоящая Черная пятница в самом жутком своем варианте, но сегодня народ явился не за телевизорами и видеоиграми. Тележки у касс забиты консервами, туалетными принадлежностями, но, в основном, водой. Самые важные в жизни вещи.

Я сразу чувствую, что что-то здесь не так. Не уверена, что знаю, что происходит, но это висит в воздухе. Люди с какой-то ожесточенностью толкают вперед свои тележки — едва не врубаясь в тех, кто мешает им поскорее пробиться сквозь толпу. Витает ощущение некоей доисторической враждебности, плохо скрываемой под налетом цивилизованной вежливости. Причем налет этот с каждой минутой становится все тоньше и тоньше.

— Не тележка, а урод какой-то, — говорит Гарретт. Он прав. Втулка одного колеса согнута, и, чтобы протолкнуть тележку вперед, нужно накренить ее и катить на трех нормальных колесах. Я смотрю назад, на вход в склад. Там оставалось еще две тележки, но и их сейчас займут.

— Пойдет, — говорю я Гарретту, и мы пробираемся сквозь толпу в правый задний угол, где находятся паллеты с водой. Двигаясь к нашей цели, слышим разговоры спящих вокруг людей.

— Агентство по чрезвычайным ситуациям нам не поможет, — говорит одна женщина другой. — Им бы разобраться с «Ноем».

Они имеют в виду набросившийся на штат ураган.

— Разве мы виноваты? — говорит женщина справа. — Восемьдесят процентов воды забирает сельское хозяйство.

Слева — вновь женский голос:

— Если бы администрация тратила силы на поиски новых источников воды, а не на то, чтобы штрафовать

нас за то, что мы наполняем наши домашние бассейны, мы не оказались бы в такой ситуации.

Гарретт поворачивается ко мне:

— У моего друга Джейсона в гостиной гигантский аквариум, а его предков не оштрафовали.

— Это не то, — отвечаю я. — Рыбки считаются домашними питомцами.

— Но это же все равно вода.

— Тогда походи и выпей ее, — говорю я резко, чтобы Гарретт заткнулся. Нет у меня времени, чтобы думать о чужих заботах. Своих хватает. Но, похоже, из нас двоих это касается только меня, поскольку Гарретт уже улизнул на охоту за бесплатными образцами продуктов.

Я толкаю тележку вперед, а она кренится влево, и мне приходится нажимать на ее правый бок, чтобы сломанное колесо не тормозило.

Задний отсек склада забит народом, но когда я добираюсь до последнего прохода, где обычно стоят паллеты с водой, то обнаруживаю, что они пусты. Мы опоздали.

Ели бы мы приехали сюда, как только вырубился кран, мы бы успели! Но, увы, всегда тормозишь, стоит случиться чему-то серьезному. Не то чтобы ты отказывался это принять. И это не шок. Скорее, некое совершаемое в уме свободное падение. Тратишь слишком много времени, чтобы примириться с возникшей проблемой, и не понимаешь, что нужно предпринять, пока врата возможностей не закрылись.

Я думаю о тех людях в Саванне. Что они делали и чувствовали в тот момент, когда ураган «Ной», вместо того чтобы отправиться к морю, как предполагалось, резко изменил маршрут и пошел на город? Как долго они стояли и немигающими взорами смотрели на экраны телевизоров, вместо того чтобы по-быстрому собраться и дать деру? Я могу сказать: три с половиной часа.

Люди позади меня, не видящие, что паллеты пусты, продолжают напирать. Наконец, кто-то из служащих соображает, что к чему, и вывешивает над толпой плакат «Воды нет». Но пока этого не происходит, покупатели все пытаются пробиться в заветную зону, тесня и давя друг друга изо всех сил. Становится душно и тесно, как в колышущейся на рок-концерте толпе.

Извернувшись, я ныряю в боковой проход, к полкам с содовой, которая тоже начинает исчезать. Но мне нужна не содовая. Разглядывая напитки, я замечаю коробку с водой, которую, вероятно, кто-то оставил еще вчера, когда простая вода не была столь ценным продуктом. Я тянусь к коробке, но в последнюю секунду тощая дама с клювоподобным носом уводит ее у меня из-под руки и водружает, словно корону, поверх продуктов, которые уже набрала в тележку.

— Мне очень жаль, но мы были первыми, — говорит она, после чего появляется ее дочь, которую я узнаю по нашим встречам на футбольном поле. Это Хали Хартлинг. Она страшная задавака и считает, что играет в футбол лучше всех, что очень далеко от истины. Половина девочек в моей школе хотят быть похожими на Хали; вторая же половина ненавидит ее, понимая, что никогда никому из них к ней даже на дюйм не приблизиться. Что до меня, то я давно определилась. Она не стоит того, чтобы тратить на нее душевные силы — будь то сила любви или сила ненависти.

Хотя Хали всегда — сама самоуверенность, сейчас она даже не смотрит мне в глаза, потому что она, как и ее мамаша, знает — я была возле воды первой. И когда старшая отправляется с тележкой прочь, Хали наклоняется ко мне.

— Прости нам, Морроу, — говорит она, и вполне искренне, называя меня по фамилии, как мы всегда делаем на футбольном поле. Хотя, если хорошенько подумать, сейчас мы с ней в совершенно разных командах.

